

ЛЕНА СОКОЛ

КАК МОЖНО
ДОБРОВОЛЬНО ОТКАЗАТЬСЯ
ОТ ТОГО, КТО БЫЛ КРОВЬЮ
В ТВОИХ ВЕНАХ?

18+

НАГЛЕЦ

Лена Сокол
Наглец
Серия «Дерзко. Смело.
Горячо», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63113696

Наглец:

ISBN 978-5-04-116625-0

Аннотация

Она ворвалась в его жизнь и спутала все карты. Вибалмошная, неуправляемая, сумасшедшая девчонка. Напрасно она перешла ему дорогу. Теперь ей придется играть по его правилам. И не только потому, что он всегда добивается желаемого. У него на руках – козырь, закрыть глаза на который она точно не сможет.

Содержание

1	5
2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лена Сокол

Наглец

© Сокол Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Глеб

– Девчонки, привет! – Макс сияет, словно начищенный унитаз.

Его внимание привлекли две девицы, гарцующие по набережной без шапок, в тонких колготках и на высоченных каблуках, – и это в такую-то холодину.

«Курицы безголовые», – отворачиваюсь, едва взглянув на них. На ходу заледеневшими пальцами сдираю с головы мягкий защитный шлем.

– Как дела, красавицы? – продолжает Макс, флиртованно поигрывая бровями.

«Пасть у этого паршивца, похоже, никогда не закрывается», – думаю я, раздраженно подталкивая Макса вперед.

Мы идем по холодным, влажным камням, и соленая вода мелкими каплями стекает с наших лиц на шеи.

– Привет! – одна из незнакомок машет ему рукой.

Другая тут же толкает подругу в бок, чтобы прекратила.

– Не надо, Макс, – устало выдыхаю я, придерживая товарища за локоть.

Сильное течение сегодня не раз испытывало нашу вы-

держку и ни на секунду не давало расслабиться. Но я ждал позднюю осень: хотел оседлать ту самую дерзкую волну, которая приходит после небольшого шторма в сопровождении порывистого южного ветра, – поэтому чувствую сейчас настоящее удовлетворение.

– Спорим, я меньше чем за минуту уболтаю обеих на веселый вечер в нашей компании? – Макс суетливо перекидывает массивную доску для серфинга из одной руки в другую и крепче прижимает к телу.

– Задрал, – качая головой, ступаю на деревянный пирс. – Отстань от них, а?

Меня все чаще стали раздражать нездоровая озабоченность друга и его же откровенная неспособность сосредоточиться в нужный момент на важном деле.

Макс со вздохом провожает взглядом несостоявшихся жертв своего обаяния:

– Ради тебя стараюсь!

Наклоняюсь и с остервенением сдираю гидротапки с ног. «Пусть лучше ступни вмерзнут в доски, чем заледенеют внутри этого орудия изощренных пыток».

– Думаешь, я не способен самостоятельно найти девушку на ночь? – стряхиваю с волос капли воды. – Пожалуйста, не приставай к каждой юбке, чтобы отыскать мне компанию на вечер.

Зажимаю тапки под мышкой, крепче хватаю доску и ускоряю шаг.

– Глеб, я в курсе, что ты давно уже большой мальчик, но в последние недели две ты злой как собака. Вот я и решил, что нужно просто немного расслабиться...

Сплеываю в сторону и оглядываюсь:

– Слушай, Швецов, я просто сосредоточен на деле, ясно? Ты ведь знаешь мои правила: никаких баб, пока обрабатываем очередного клиента.

Конечно, Макс не верит. Он хмурится:

– Помню.

– Отлично, – довольно киваю я.

До здания базы, где мы переоденемся и сможем согреться, остается метров пятьдесят.

– И тебе тоже не надо отвлекаться.

Хотя в случае со Швецовым читать нравоучения бесполезно – слова непременно улетят в пустоту.

– Недотрах сделал из тебя монстра, – слышится из-за спины.

Но я не оборачиваюсь.

Мое внимание привлекает девушка, сидящая на одной из скамеек на бетонной набережной. Странная поза, не свойственная представительнице женского пола: корпус наклонен вперед, локти уперты в колени, ноги широко расставлены, голова опущена, взгляд устремлен на кромку моря.

Незнакомка одета в длинный черный плащ, капюшон низко надвинут на лоб, будто ей хочется спрятаться в этой одежде ото всех. Но даже с такого расстояния мне в глаза броса-

ется мертвенная бледность ее кожи – такое не свойственно местным. Она задумчиво смотрит вдаль и, кажется, не моргает.

– Слушай, Дым...

– Заткнись хоть на минуту, мне нужно подумать, – прошу друга, направляясь к базе.

Продолжаю сверлить взглядом странную девушку, но мысли уже заняты другим: прокручиваю в голове детали будущей аферы. Снова и снова. Это помогает не только продумать все до мелочей, но и составить план Б – на всякий случай.

– О'кей, – Макс послушно затыкается.

Найти цель, втянуть ее и обработать – это только полдела. Выйти сухим из воды всегда труднее. И тут без моего мастерства и природного чутья никак не обойтись.

Когда мы переступаем порог здания базы, на нас обрушивается звуковая волна: работающий телевизор на стене долбит музыкой, посетители маленького кафе оживленно переговариваются друг с другом, болтливые туристы (хрен знает зачем ошивающиеся в приморском городке практически зимой) осаждают прилавок с сувенирами.

Мы проходим по коридору, прорываемся сквозь толпу серфингистов, собравшихся возле склада с инвентарем, и заходим в раздевалку, где оставили свою одежду.

– Почему нельзя было снять гидрик возле машины? – ворчу я.

Меня привычно раздражает многолюдность подобных мест. Освобождаюсь от костюма, как от второй кожи: быстро и ловко. Вешаю его на дверцу шкафчика и взлохмачиваю мокрые волосы, чтобы поскорее высохли.

– Помоги стащить, – просит Макс, прислонив доску к стене.

Неспособность взрослого мужика самостоятельно снять гидрокостюм раздражает еще больше. Помогаю товарищу, тихо матерясь себе под нос.

Смотрю на часы: нужно поторопиться.

– Ворочай булками, Швед, – говорю, кидая в спортивную сумку сырые перчатки, тапки, шлем.

Затем вытираюсь, надеваю брюки, носки, тонкий свитер, пальто и кожаные туфли. Швецов в это время, не торопясь, проверяет сообщения в телефоне.

– Ты долго? – Терпение у меня заканчивается.

– Не стони, Дым, – усмехается Макс, пряча телефон и обтирая шею полотенцем.

– Шевелись!

Выношу одну за другой доски, оформляю их хранение на местном складе, подписываю нужные бумажки, расплачиваюсь наличными. Когда возвращаюсь в раздевалку, Макс все еще одевается и что-то тихо напевает.

– Хуже бабы! – замечаю, подхватывая обе сумки.

– Да иду я, – смеется Швед, набрасывая куртку.

Мы выходим в общий зал с деревянной отделкой и десят-

ком маленьких столиков. Жизнь здесь по-прежнему кипит.

– Подожди, я возьму кофе, – говорит Макс, подмигивая очередной курице, сидящей с журналом возле окна.

– По дороге возьмем, – заявляю безапелляционно и направляюсь к выходу. – Я...

Но ничего не успеваю добавить, потому что в тамбуре на полной скорости налетаю на ту самую девушку, которую видел на набережной.

– Ой, – срывается с ее губ, когда она отлетает от моей груди, точно от массивного отбойника.

Она едва удерживается на ногах – только потому, что я успеваю среагировать и подхватываю ее под локоть.

Достаточно высокая, но хрупкая. Худенькая. Я даже бы сказал, изможденно тощая. В момент столкновения большой черный капюшон слетает с ее головы, обнажая лицо: идеальный овал, пронзительные серо-синие глаза и почти бесцветные пухлые губы.

Высветленные волосы длиной до плеч, взметнувшиеся от столкновения, опадают обратно, как в замедленной съемке, – на редкость аккуратными прядями, прямыми и ровными. Я делаю глубокий вдох, и мой нос улавливает нежный аромат цветов и дождя, исходящий от них.

– Простите, – хрипло говорит девушка, опираясь на мою руку в попытке восстановить равновесие.

И грубый черный ботинок неловко опускается прямо на мою идеально блестящую туфлю.

– Ой, – еще раз выдает она, убирая ногу.

Но на носке уже красуется темное пятно грязи.

– Ничего страшного, – цежу я сквозь зубы недовольно.

– А кто тут у нас? – усмехается Швецов, выглядывая из-за моего плеча.

«Только этого сейчас не хватало!»

Девушка смотрит на Макса, как затравленный зверек, пытается шагнуть в сторону, чтобы уйти, но Швед заграждает собой весь проход.

– Привет, красотка, – расплывается в улыбке он.

Она медленно поднимает на него взгляд и хмурится. Делает новую попытку уйти, но врезается коленом в сумку, которая висит у меня на руке.

– Слушай, – Макс наклоняется к ней, – мы могли бы познакомиться.

Незнакомка прячет глаза:

– Вряд ли.

Швед смеется:

– Я стесняюсь, поэтому ты первая давай... со мной знакомься.

Ее брови взлетают вверх.

– Это самый тупой подкат из тех, что я слышала! – фыркает она презрительно и, передумав входить в здание, разворачивается, толкает дверь и оказывается снаружи.

– Куда ты? – Швецов бросается за ней. – погоди!

Но она не оборачивается. Быстро шагает вдоль набереж-

ной.

– Эй, цыпа, я в жизни такой красоты не встречал! Твоя фигурка, мм... А что за ножки! А волосы! Я таких шикарных волос никогда не ви...

Выхожу следом за ними, придерживая дверь, и с любопытством наблюдаю. «Что такого интересного случилось и заставило Макса заткнуться?» И тут же чуть не теряю дар речи.

– Нравится? – девушка рывком срывает с головы парик и швыряет его в руки Швецова. – Тогда носи на здоровье!

Лысая... Совершенно лысая...

Она накидывает на голову капюшон, застегивает плащ и стремительно удаляется по направлению к городу.

Макс пару секунд ошарашенно разглядывает парик, держа его перед своим лицом двумя вытянутыми пальцами, а затем швыряет в урну:

– Во дает...

Я невольно усмехаюсь, оглядывая обескураженного напарника, а затем поворачиваюсь и смотрю вслед девушке. Долго, пристально. Впитываю глазами небрежную мальчишескую походку, гордо расправленные плечи и вспоминаю поразивший меня взгляд – испуганный и злой.

– Чего молчишь? – спрашивает у меня Макс уже в машине.

Мы проехали несколько километров, а я даже слова еще не сказал.

– А что надо? Петь? – пренебрежительно бросаю в его сторону и гляжу на часы.

– Девчонка та понравилась тебе, да?

– Кто? – чуть не давлюсь от смеха. – Та лысая, плоскогрудая гопница? – с трудом прочищаю пересохшее горло. – По-твоему, такие в моем вкусе?

Швецов смотрит, не отрываясь, недоверчиво и с прищуром.

– Ты на нее пялился.

– Пошел ты!

– У тебя бабы давно не было?

– Что? – качаю головой, все сильнее впиваясь пальцами в руль. – Я с тобой свою личную жизнь обсуждать не намерен, ясно?

– Потому что у тебя ее нет, – отворачивается Макс с довольной ухмылкой.

Моя машина – черная «БМВ» – резко сворачивает с дороги, я останавливаюсь у кафе.

– Ты чего, Дым? – хватается за ручку Швецов.

– Ты кофе хотел? – сжав челюсти, спрашиваю его.

Выхожу, захлопываю дверцу и решительным шагом направляюсь ко входу в забегаловку. Почти дойдя до двери, засовываю руку в карман и застываю на месте.

«Не может быть».

Проверяю один карман за другим – внутренний и даже брюки.

Но кошелька нигде нет. Он исчез.

Соня

Яростно толкаю ладонью дверь и врываюсь в квартиру. Простенькая однушка встречает запахом пиццы и нестираных носков. Прохожу и, остановившись посреди комнаты, заваленной мусором, старыми газетами, обедками и одеждой, морщу нос.

– Эй! – окликаю брата, восседающего за ноутбуком на диване в позе йога.

Облизывая пальцы, перепачканные томатным соусом, он оборачивается и не удерживается от восклицания:

– Вau!

В ту же секунду большой кусок пиццы выскальзывает из его руки и шлепается начинкой прямо на клавиатуру.

– Свят! – восклицаю я и стискиваю зубы от гнева.

На ноутбук я потратила кругленькую сумму, и то лишь потому, что планировала использовать исключительно для дела. Следовало догадаться, что ветреный подросток в мое отсутствие станет распоряжаться им по своему усмотрению: наяривать в стрелялки и смотреть фильмы! А теперь еще и это – вся клавиатура перепачкана соусом и колбасным жиром.

– Блин, – хмурится Святослав, убирает пиццу, хватается салфетки из коробки и осторожно промокивает каждую кно-

почку. — Увидел твою новую прическу, и руки перестали слушаться!

Снимаю капюшон и провожу ладонью по абсолютно гладкой черепушке. Закусываю губу. Парнишка забывает про салфетки и смотрит во все глаза, тихо присвистнув.

— Дядя Толик, дядя Толик, постриги меня под нолик! — наконец говорит он и громко хохочет.

Мне не до смеха. Молча скидываю плащ, вешаю на спинку стула и иду к балкону.

— Сонь, что-то случилось? — В голосе брата звучит беспокойство.

— Нет, — беру сигареты и зажигалку.

— Зачем ты это сделала? — доносится в спину.

«Думала, что почувствую облегчение».

Но вместо ответа я просто выхожу на свежий воздух.

Закрываю балконную дверь, опираюсь о перила и смотрю на город, простирающийся вдоль линии моря. А в голову почему-то настойчиво лезет образ мужчины, которого встретила час назад на пристани.

Загорелая кожа, светлые волосы, серо-зеленые выразительные глаза, прямой, ровный нос, в меру пухлые губы, твердый подбородок. Усмехаюсь, закуривая сигарету, и выпускаю струйку серого дыма, которую тут же подхватывает холодный ветер.

Блондинчик...

Самодовольный, наглый тип. Один из тех, что балдеют от

звука собственного голоса. Холеный, породистый, блестит, как новый пятак, да и стоит столько же. Наверняка воображает себя киноактером, за которым бегают две колонны истеричек с криками: «А-а-а, это сам Хрен-пойми-как-его-там! Сейчас я кончу!»

Господи... да я ведь ненавижу мужчин...

Или думаю, что ненавижу? Но точно не доверяю им с некоторых пор. Никому, кроме собственного брата, которому даже нет семнадцати. Иногда всерьез размышляю о том, чтобы стать феминисткой, но откладываю важное решение до тех пор, пока не выясню, что за зверь такой этот феминизм. Поэтому понадобится как минимум погуглить странное слово.

Но мне лень. Вернее, некогда – все свободное время уходит на придумывание планов, как заработать побольше денег, чтобы можно было где-нибудь осесть на постоянной основе, купить жилье и оплатить обучение брата в университете. К тому же надо еще свои цели постепенно осуществлять. А пока меня вполне устраивает термин «мужененавистница» – здесь хотя бы со значением все более-менее понятно.

И наплевать, что для многих это синоним неудачницы. Просто я обещала себе, что впредь не позволю мужчинам причинить мне боль. Никогда ни к одному из них ничего не почувствую. Никого не люблю. Стану стервой. Обещала. Обещала...

Впервые я увидела его, когда сбежала из детдома. Туда ме-

ня с братом отправили после автокатастрофы, унесшей жизни наших родителей.

Я не могла дождаться восемнадцатилетия, чтобы убедиться в том, что мой дядя, конченный алкаш, продал нашу квартиру через ушлых риелторов. Зашла в дом и увидела все собственными глазами: новая дверь, новые замки, новые жильцы. И ни следа от родственничка – тот, по слухам, стараниями своих же «благодетелей» догнивал где-то в лачуге в глухой деревеньке.

Тощая девчонка, жиденькие волосы, старый свитерок – еще из прошлой, счастливой жизни, – короткая юбчонка и серые кеды со сбитыми носками. Мне некуда было податься, да и не хотелось: так что надо топать в детдом к брату, ведь парнишка, которому не исполнилось и пятнадцати, тоже не имел в этой жизни никого, кроме сестры.

Выскочила из подъезда, размазывая по лицу слезы рукавом, и села прямо на бордюр. Обхватила колени руками и принялась реветь в голос. А перед глазами так и мелькали картины из прошлого: мы всей семьей едем на море, отдыхаем в парке, выходим из этого самого подъезда вчетвером, чтобы разбежаться в разные стороны – кому в школу, кому на работу, – чтобы вечером встретиться за ужином, когда за столом не смолкали веселые разговоры.

И в этот самый момент совсем рядом со мной, обдав пылью, затормозил большой черный седан. Из навороченной иномарки вылез мужчина – высокий, худой. Швырнул оку-

рок в траву и присел на корточки.

– Эй, ты чего?

Сквозь ритмичные звуки, доносившиеся из машины, я слышала, как мужчина что-то у меня спрашивает, но не понимала, что именно. С первых секунд, как незнакомец посмотрел на меня, я попала под странное, почти гипнотическое воздействие его темных глаз. Колючий, неприветливый взгляд из-под бровей забирался в самую душу, целиком и полностью лишал воли и дара речи.

Уже позже, сидя на переднем сиденье дорогой тачки, я, захлебываясь в слезах, рассказывала ему, первому встречному, о своей нелегкой судьбе. Об издевательствах в детдоме, которые пережила за последние полтора года, о младшем брате, для которого желала лучшего будущего, о надежде вырваться из этого ада и нищеты через две недели, когда мне исполнится восемнадцать.

И именно в эти, знаковые для моей судьбы двадцать минут, в течение которых мужчина вез девочку обратно в спецучреждение, я могла разглядеть его как следует. Пронзительные черные глаза. Властные, непримиримые, жестокие. Прямой коротковатый нос. Резко очерченные скулы на сухом лице. Красивые губы, сжатые в упрямую, дерзкую линию. Сильные челюсти. Модная стрижка, открывающая виски и оставляющая копну гладко причесанных, ниспадающих на лоб темных волос.

И татуировки.

Цветные, замысловатые, вызывающие. На сильных руках, кистях и пальцах. На груди – виднеющиеся из выреза рубахи. На шее – обрамляющие ее с двух сторон и не затрагивающие только выдающийся кадык.

Он посадил меня возле ворот. Не обещал, что мы увидимся. Не спрашивал даже имени. Ничего не говорил. Просто бросил:

– Ты нереально красивая, малышка.

Подмигнул и коротко улыбнулся. Лишь уголками губ.

А потом сел в автомобиль и поехал трахать очередную глупую дуру, которой за час до этого накидал в уши невообразимый (фирменный) бред про ее исключительность.

Но об этом я не знала. Тогда я была поражена. Покорена им с первого взгляда. Чтобы позже подчиниться ему во всех известных мне смыслах.

* * *

Наверное, так выпускаются из исправительных учреждений. Мне вручили личные вещички, справку об освобождении, какую-то памятку в руки сунули, задвинули короткую напутственную речь и резво пнули под зад. Как в тюрьме. Только там стакан молочка на дорожку не наливают. А тут вдобавок даже печенкой одарили.

Я вышла за ворота с чувством полной растерянности. Посмотрела на брата – тот смотрел на меня через стекло окна на

втором этаже. Взрослый совсем уже, лохматый, хмурый. Парень сидел на подоконнике и, не шелохнувшись, провожал меня взглядом. Обычно сильный духом, теперь он казался встревоженным. Из-за родной сестры. Ведь мне первой приходилось окунуться в жестокий мир, не знавший пощады по отношению к таким, как мы, – обездоленным.

Свят бы выдержал, не озлобился, а я вела себя, как ошетилившаяся кошка. Отовсюду ожидала подвоха. Никому не верила. Готовилась выпустить когти. В детдоме никогда нельзя было расслабляться: свои маленькие банды и авторитеты – даже среди девчонок. Чуть отвернешься, а твоих личных вещей как не бывало. Поэтому подкопленные деньги я всегда держала ближе к телу и жила ожиданием лишь этого дня, когда мне удастся наконец вырваться на волю.

И вот я здесь. С парой тысяч в кармане посреди широкой улицы, утопающей в солнечном свете. И с надеждой, что, возможно, истории про то, как сирот заставляют годами ждать собственной квартиры, окажутся сказкой, и мне повезет хорошо устроиться. И возможно, даже хватит денег снять приличную хибару и найти хоть какую-то работу: я ж чертова швея теперь – с корочкой.

Возможно, я сумею оформить опеку над братом: что там нужно. Жилплощадь? Работа? Заключение брак с кем-нибудь? Ради единственного на всей Земле родного человека я готова на все. Даже на преступление.

Бесцельно плелась по улице и пинала попадающийся му-

сор. Потертый текстильный рюкзачок оттягивал плечи, но мне доставляло огромное наслаждение просто дышать свежим воздухом, разглядывать витрины и пялиться на городскую пыль под ногами.

«Никаких съемных квартир. Пока хватит и маленькой комнатки в общежитии. Главное – сэкономить денег и получить консультацию юриста. А когда смогу забрать брата, я сделаю все, чтобы мы больше ни в чем не нуждались».

Вздрогнула, услышав мерный шелест шин за спиной. Сгорбилась, боязливо вцепившись ногтями в лямки рюкзака, и ускорила шаг. Но звук никуда не делся.

Осторожно глянув через плечо, заметила большой черный автомобиль. Он крался следом почти бесшумно, точно гигантский аллигатор. Колеса, мягко перекатываясь, царапали асфальт и хрустели песком, а у меня внутри разливалось странное чувство: смесь страха и любопытства.

Я продолжила идти по тихой пригородной улочке, вытянувшись в напряженную струну, а черный монстр не отставал. Я замедляла шаг, и он тоже почти останавливался. Изошренная игра, похожая на кошки-мышки. Удивительно, но она рождала во мне бурю эмоций.

Это не могло быть правдой. Взрослый, опасный, не внушающий доверия мужчина, которого я встретила случайно две недели назад и не мечтала увидеть снова. Догадывалась, что это был он, надеялась, но не верила до конца.

И шла, прерывисто дыша и боясь обернуться: а вдруг тач-

ку ведет кто-то другой? Может, маньяк? Но какая разница? Разве татуированный бугай не страшнее маньяка для молодой неопытной девчонки? С невыносимой жесткостью во взгляде и неуголимой похотью – именно таким я его и запомнила. Вот что влекло к этому мужчине почти нестерпимо.

Не выдержала.

Отошла в сторону, ступила на пешеходную дорожку. По-прежнему смотрела вперед, когда автомобиль поравнялся со мной. Он и не думал уезжать, не увеличил скорость. Медленно плыл рядом, как большой дорогой пароход. Как послушный пес. И тогда, можете ненавидеть меня, – маленькая девчонка чувствовала себя настоящей Золушкой.

Дышать становилось все труднее, напряжение нарастало, но мы двигались по улице, продолжая делать вид, что не замечаем друг друга. Следовали вперед. Вместе, неотрывно, без суеты, ведомые особенной нитью, скрытой от посторонних глаз.

Не знаю, смотрел он на меня или нет: стекла оказались тонированы, и в глянцевой черноте можно было наблюдать разве что собственное отражение. Но я еще метров пятьсот не смела даже оглянуться.

Наконец не выдержала. Остановилась, повернулась и воинственно скрестила руки на груди. Сердце билось как бешеное. Стучало в ребра, точно отбойным молотком. И вдруг – резко рухнуло куда-то вниз, едва полированная дверь медленно, без единого звука, приоткрылась, приглашая меня в

салон.

Пассажирское сиденье было пустым. Дрожа как осиновый лист, я слегка наклонилась. Иначе не увидела бы водителя. Горло обожгло терпкой сладостью, которая взорвалась тысячей фейерверков в желудке, когда мы встретились глазами. Немигающий темный взор, буквально пожирающий заживо, вытягивающий из меня все силы, лишаящий воли. В нем сплелись жаркое пламя и ледяное дыхание смерти, дикая, почти животная страсть и полное безразличие. Это завораживало.

Всего одно слово:

– Прыгай.

Короткая усмешка и сильная ладонь, мягко хлопнувшая по кожаной обивке сиденья.

И в этот момент я поняла, что готова на все, что бы он там ни планировал со мной сделать.

И промелькнувшие мысли о том, что человек лет на десять старше меня, сильный, похожий на опасного дикого хищника с грацией пантеры, мог бы помочь решить любые мои проблемы, разом куда-то испарились. Они уступили место неведомому ранее желанию, которое теперь раздирало плоть изнутри и наливалось невыносимой тяжестью внизу живота.

Клянусь, ему и уговаривать меня не нужно было. Сев в машину, вдохнув терпкий мускусный запах мужчины и ощутив его присутствие, я мгновенно отреклась от собственной

воли, разума и здравого смысла.

Татуированные руки на обтянутом кожей руле, большие крепкие пальцы, испещренные причудливыми рисунками, завитушки и надписи на шее и виске. Рискую заработать ко-согласие, я разглядывала каждую букву и линию на его теле в тех местах, которые не были прикрыты одеждой. И отчаянно фантазировала о том, какой он там – под своими дорогими тряпками.

Дрожала от возбуждения, представляя, что этот самец может со мной сделать, если только захочет. Меня он, разумеется, даже спрашивать не будет. Подобные ему ничего не спрашивают – просто берут, что хотят.

Мы остановились у обычной фастфуд-забегаловки. Мужчина кивком указал мне, чтобы выходила. Конечно, я не рассчитывала, что он откроет мне дверь, и чувствовала себя тусклой замарашкой на его фоне, но загадочное молчание откровенно сбивало с толку. А после того как он усадил меня за столик, поставил передо мной поднос с едой, сел напротив и бесцеремонно уставился, стало вообще не по себе. Кусок в горло не лез.

– Ешь, – приказал тихо.

И я не смея отказаться, послушно взяла бургер и откусила.

Он смотрел на меня пристально, фиксируя темными зрачками каждое действие. Не моргая, наблюдал, как медленно двигаются мои челюсти. Впивался взглядом в лицо так, что казалось, будто кто-то саморезы мне в череп всверливает –

медленно и с особенным, садистским удовольствием.

Еле удержалась, чтобы не сжаться в комок, когда мужчина внезапно протянул руку. Забыла, как дышать нужно. Замерла с недожеванным куском во рту и уставилась на большую ладонь.

А он всего лишь перегнулся через столик, провел средним пальцем по уголку моих губ, стирая кетчуп, а затем быстро облизнул палец. Первый раз в жизни я видела что-то настолько вызывающе сексуальное, как крохотная красная капля, тающая у него на языке.

Я, конечно, была совсем юной и глупой, но интуитивно понимала язык жестов. Знала, что следовало уйти, чтобы не потерять себя окончательно. Но у меня не было сил: тело уже не подчинялось. Оно откликалось на каждый его жест или поворот головы, тянулось навстречу, отдавалось тягучей болью в мышцах и сладким пожаром в напряженных сосках. Единственное, чего я тогда хотела, – чтобы он быстрее избавил меня от этой муки.

– Идем, – бросил незнакомец, не дав даже вытереть губы салфеткой.

Сжал мою ладонь в грубой руке и стремительно потянул к выходу.

В ту секунду, спеша за ним и едва не запинаясь, я чувствовала себя податливой куклой, согласной на все. Предполагала, что буду жалеть, но старалась не думать, отключить мозги.

Боль, раскаяние, ненависть к себе – это все будет потом. А сейчас я была не одна: не стояла посреди шумной улицы, не искала крышу над головой, просто шла за мужчиной, готовая подчиниться любым его просьбам, и чувствовала невообразимый трепет, разрывающий меня изнутри. Сладкое предвкушение того, что неумолимо обернется горьким послевкусием.

Он привез меня в дорогую гостиницу. Не сказал ни слова. Наверное, мы странно смотрелись: расписной дядька с холодным, почти безжалостным взглядом и девочка-одуванчик, робко держащая его за руку. Администратор, сутулый мужчина в годах, то и дело поглядывал на мои стоптанные кеды, нищенскую одежду, на милое, почти детское, личико и разметавшиеся по плечам светлые волосы. Мне только плюшевого медвежонка не хватало, чтобы моего спутника сочли педофилом.

Но крупная банкнота быстро развеяла сомнения сотрудника гостиницы. Мне и паспорт показывать не пришлось, который у меня, кстати, имелся. Но такие мелочи моего нового знакомого мало волновали. Он быстро повел меня по коридору, бросив на ходу портье, чтобы к нам не совались.

Судорожно открыв дверь, рывком втолкнул меня в номер. Только тогда я заметила сильнейшее возбуждение, которое его брюки были не в силах больше скрывать.

Захлебнулась своим же дыханием, когда, прижав меня с размаху к стене, мужчина больно впился губами в мой рот.

Целовал глубоко, невыносимо, страстно, играл своим языком, толкая мой, бесцеремонно и грубо кусал мои губы, заставляя горячие волны желания разбегаться по коже. Крупные ладони нервно бегали по моему телу, обжигали шею и спину, а затем требовательно сжали ягодицы и с силой притянули к себе.

Он оторвался лишь для того, чтобы посмотреть на меня диким взглядом, сорвать с плеч рюкзак, швырнуть его на пол и начать, словно обезумевший, рвать на мне одежду голыми руками. Я слышала треск ткани и не могла бороться с собственной дрожью. Волны горячего пламени пробегали по телу, сосредотачивались в самом низу ноющего живота и велели мне не сопротивляться.

Я так и стояла, тяжело и часто дыша, и сотрясалась от крупной дрожи, пока он стягивал с меня остатки одежды. Наконец мужчина остановился и сжал челюсти, шумно втягивая ноздрями воздух. По его глазам было видно, как он доволен тем, что видит перед собой. Грудь высоко вздымалась, нетерпение чувствовалось в позе, но он словно выжидал чего-то.

Тогда я шагнула вперед, приблизилась к нему и коснулась пальцами горящих приоткрытых губ.

Он смежил веки от удовольствия. А меня от этого прикосновения наполнило теплым покалыванием в каждой клеточке кожи.

– Идем, – и его глаза заблестели.

Еще один рывок, и сильные руки толкнули меня на кровать.

Он не спрашивал. Ни о чем со мной не договаривался. Ничего не просил. Просто брал то, что хотел, и так, как хотел. Спокойно, уверенно и почти равнодушно.

Избавил меня от белья и, бросая жадные взгляды на мое голое тело, разделся сам. Я дрожала, совершенно голая, распластавшись поперек прохладных простыней. Даже не от страха, а от созерцания ярости в его колючем взгляде и... от желания.

С ужасом смотрела на крепкие плечи, на жилистую фигуру, подтянутый живот с упругими мышцами и на то, что дыбилось ниже. Огромное, твердое и готовое вспороть ткань трусов. Медленно, будто угрожая, мужчина надвигался на меня. И я едва не теряла сознание, беспомощно прикрывая руками обнаженную грудь.

Внезапно одним ловким движением он стащил боксеры, обнажив неожиданно красивый, гладкий и ровный член, пульсирующий от нетерпения. И я не удержалась от нечаянного вздоха. Замерла и сглотнула, поймав довольный взгляд мужчины. Краснея, приказала себе расслабиться, послушно откинулась назад и стыдливо развела ноги. Сложив руки на груди, прикрыла веки. Ноющая пульсация внутри неумолимо набирала обороты.

– Эй, – позвал он хрипло и как-то встревоженно, заставив меня открыть глаза. – Первый раз, что ли?

Мужчина дышал неровно, брови были нахмурены. Он склонился надо мной так низко, что твердая грудь почти коснулась моей. Я чувствовала, как что-то горячее, влажное и жаждущее оказаться во мне уткнулось во внутреннюю поверхность бедра.

– Д-да, – произнесла на выдохе.

Он приподнялся и ошеломленно взглянул на меня.

– Я хочу, – погладила дрожащей рукой широкую грудь и плечо. Посмотрела прямо в темную бездну глаз. – Сделай это. Пожалуйста.

Потянулась и осторожно поцеловала, получив в награду ненасытный рык, вырвавшийся из его рта. Беззащитная, обреченная, ставшая пластилином в его руках. Открылась и подалась навстречу, когда он ворвался в мою горячую плоть. Одним резким рывком. Без предупреждения. Больно. Сжал руками мои плечи и впился в пересохшие губы, чтобы проглотить мой вскрик новым жадным поцелуем.

Я выгнулась всем телом, утопая в тысячах искр, посыпавшихся из глаз. Всхлипнула от обжигающей пытки, прострелившей молнией между ног. И ответила тихим стоном на рокот его голоса, на рычание дикого зверя, которое продолжало меня пугать, хотя и становилось уже каким-то привычным. А еще через пару мгновений смогла отозваться встречным движением на интенсивные, мощные толчки. Откликнулась, чувствуя, как ему тесно во мне, как сладко. Ожила.

Вцепилась пальцами в его мокрую спину, чтобы сильнее и

глубже чувствовать каждый удар бедрами, каждое движение внутри моей полыхающей жаром влаги. Чуть не сорвалась на крик, когда он стал двигаться грубо и быстро и нарастил темп чуть не до предела. Хотела просить пощады, но мужчина погасил сопротивление жестким поцелуем. Целовал, покусывал, посасывал мои губы, не давая стонать и всхлипывать.

Сжимал мои плечи, причиняя невообразимую боль, подгребал под себя, стискивал бедра, вбиваясь все глубже, до самого предела, который я сама уже чувствовала, отдаваясь нахлынувшим волнам сладкого жара. И замирал на мгновение, а затем продолжал двигаться еще яростнее.

Незнакомец скользил языком по моей шее, опалил ее дыханием, ласкал мои возбужденные соски. А я отдавалась ему и телом, и душой, принимала ласки, похожие на пытки и сопровождающиеся острой болью. Чувствовала себя добычей и одновременно упивалась собственной слабостью и силой мужчины. Умирала от удовольствия. Задышалась под его тяжестью и бессвязно просила еще. Даже когда он пытался унять свою дрожь, излившись в меня, даже потом, когда нехотя откатился в сторону, притянул меня к груди и накрыл сверху огромной ручищей.

Едва отдышавшись, мужчина потащил меня в душ. Никаких лишних слов и объяснений. Включил воду, сделал ее горячей и приятной и направил струю на меня. Намочил волосы, взял немного геля и начал нежно массировать мою кожу.

Прошелся по шее, ласково обогнул каждый сосок, спустился к плоскому животу, еще ниже. А я просто кайфовала, позволяя ему быть безраздельным хозяином моего тела.

Смотрела в пугающие темнотой глаза и получала истинное удовольствие: я могу погружаться в них и не ломаюсь. Стойко выдерживаю дикий взгляд. И зажмуривалась, окунаясь в терпкий запах мужского пота, смешанного с парфюмом. Громко и неприлично стонала, когда он, повернув лицом к стене, брал меня снова и снова, грубо и не сдерживаясь, когда, дождавшись пронзивших мое тело судорог, кончал сам и обхватывал меня так тесно, что я ощущала себя в непроницаемом коконе.

– Как тебя зовут? – спросила на прощание: была уверена, что он вышвырнет меня за дверь, не дав собрать с пола рванные шмотки.

Мужчина открыл балконную дверь и закурил.

– Вадим, – сказал отрывисто. – Но ты это имя забудь. Для всех я – Майор.

Я поежилась. «Мент, что ли?»

– Нет, малышка, – усмехнулся, словно прочитав мои мысли. – Фамилия такая. Майоров.

Притянул к себе, прижался губами и выдохнул мне в рот струю дыма, заставив с непривычки закашляться.

– Пф... Что это? – В горле запершило.

– Тебе понравится, – затянулся еще раз, задержал дыхание, прикрыв веки, и снова вдохнул едкий дым мне в рот.

Я послушно втянула его, после чего выдохнула. Глаза за-
слезились, голова закружилась. Вадим вовремя подхватил
меня за талию, не дав упасть. Мы стояли и смотрели на оран-
жевый закат, а по всему телу разливалась необыкновенная
легкость. Через минуту я уже засыпала на его плече, мечтая
поцеловать каждый сантиметр совершенного мужского тела,
но так и не нашла в себе сил.

Проснулась уже под утро с твердым намерением улизнуть
еще до того, как он проснется и выгонит меня. Но тяжелая
рука привычно и по-хозяйски опустилась на бедро. Шустрые
пальцы быстро скользнули к самому низу живота, раздвину-
ли мягкие складки и нырнули в горячую глубину.

Он играл на мне, как на арфе, заставляя изгибаться и за-
дыхаться от стонов, а затем подтянул к себе, плотно прижал
и резко вошел. Мы двигались в одном ритме, не видя лиц
друг друга. Медленно, страстно. Я комкала простыню и за-
дыхалась, а когда Вадим покусывал мою шею, прижималась
к нему еще теснее. Потому что именно так мне хотелось: что-
бы больно и нестерпимо, совсем на грани, когда уже нет пу-
ти назад.

И с того дня мы стали совершенно неразлучны. Как чер-
товы Бонни и Клайд, те влюбленные ублюдки. Только не уби-
вали никого. Обманывали, да, разводили на бабки, кидали.
Но никогда не опускались до чернухи.

Возвращались в номер и трахались как кролики. Высасы-
вая друг из друга жизнь по ниточке. Потому что вместе жить

получалось плохо, а врозь – вообще никак.

Через неделю после нашей первой ночи Вадим признался мне, что, кроме машины, у него ничего нет. Немного денег – но и те у нас закончились быстро. Мы снимали номера в разных отелях, пока не нашли подходящую по цене для аренды клетушку в блочном доме, которая и стала нашим временным пристанищем.

Он научил меня воровать.

Как красиво отвлечь внимание и утащить кошелек из кармана прохожего, как поесть в ресторане и не платить, как вскрывать замки и прочим рискованым трюкам. Через полгода я неплохо разбиралась в психологии жертвы и легко понимала, когда человек мне уже верит и готов обмануться.

Вадим обещал помочь мне забрать брата, но постоянно откладывал вопрос на потом – вот единственное, что омрачало жизнь. Его мысли занимали крупные аферы, а духу провернуть такую у него пока не хватало (как и возможностей), но он усиленно готовился.

Я устала слышать, что скоро мы сорвем большой куш. Начались ссоры. С криками. Драками. Но мы мирились – дико и остервенело. Так, что соседи стучали по батарее.

Мы могли сутками не выходить из квартиры. Лежали, курили, смотрели телевизор. Мечтали. Мы были очень близки, иногда казалось, что мы одной крови и сплетены навечно и очень туго нашими клятвами, безудержным сексом и риском. Но я всегда знала, что Майор не может принадле-

жать кому-то одному – он, как песок, вечно утекал сквозь пальцы, когда ему того хотелось.

Я постоянно боялась, что ему наскучит со мной. Никогда не могла полностью расслабиться и ждала чего-то плохого – потому что раскусила его натуру. Места себе не находила, когда он пропадал. Знала, что такому, как он, ничего не стоит нагнуть любую понравившуюся телку. А потом он вернется ко мне, такой чистенькой, и будет снова клясться в любви и трахать бесконечно долго, пока не попрошу пощады. И продолжит издеваться, даже когда буду умолять все прекратить.

Не представляю, какая это стадия унижения или неуверенности, но я спешила сделать ему минет, когда у меня начинались месячные. Боялась, что он не выдержит и пойдет к другой, чтобы удовлетворить похоть. Знала, что Вадим никогда не будет верен мне. Что придется делить его с воображаемыми и вполне реальными женщинами, которые сбегались к нему, стоило только поманить пальцем. Задыхалась от ревности. Но все равно не могла вообразить, что мы когда-нибудь расстанемся, и он перестанет быть моим.

Он стал для меня семьей. Да чего уж там – целой вселенной. Но вряд ли бы кто это понял.

Я была одинокой, потерянной девочкой, а он заменил мне отца. И друга, и мужа, и любовника заодно. Он был моим воздухом. Самым родным, любимым, единственным. Я смотрела на него преданной собакой, готовой умереть за

него, душу отдать. И так прошли два самых счастливых и одновременно невыносимых, взрывомозговыносящих года в моей жизни.

Пока все не закончилось.

Знаете такую старую разводку? Девушка знакомится в баре гостиницы с мужчиной, они выпивают, смеются, идут в его номер, а когда парочка уже полураздета, врывается «ее бывший» и начинает угрожать? Так вот, это стало нашим коронным номером. Мужики велись на меня, как наивные школьники, а при виде взбешенного Вадима, ворвавшегося в номер, готовы были расплатиться чем угодно, даже собственной задницей.

Забрав бабки, мы в спешке удалялись и не волновались, что жертва заявит в службу охраны или полицию. Выбор всегда падал на развратных женатиков, которые не хотели предавать огласке свои «подвиги».

Мы бурно праздновали наши победы. Катались, пили, занимались сексом. Я знала каждую татуировку на его теле и обожала рассматривать их перед сном. И в тот роковой вечер медленно водила пальчиком по груди Вадика, пока он не сказал:

– Познакомился сегодня в баре отеля с девушкой.

Я вопросительно посмотрела на него. Знакомый блеск в глазах внезапно насторожил.

– Какой девушкой? – спросила тихо.

– Короче, сама она – ни кожи, ни рожи, но ее папаша рулит

несколькими крупными предприятиями.

Я улыбнулась:

– Есть мысли, как их обчистить?

– Вообще-то, да, – он закурил, откидываясь на подушки. – Я запудрю ей мозги и женюсь. Мы с тобой будем богаты, детка.

Меня словно холодной водой окатили. Все ясно. Вадик станет ухаживать, прикидываться состоятельным и галантным кавалером – он хорошо это умел. И будет спать с ней, как же иначе!

Я просила его передумать, умоляла, заклинала, но поняла, что все бесполезно, и начала орать так, что от моего крика переполошились соседи.

Но Майор – не из тех, кто меняет принятое решение. Вместо того чтобы откинуть эту мысль, Вадим просто отшвырнул меня к стенке и был таков. Удар пришелся на затылок, но боль не чувствовалась. Я думала лишь о Вадике. Он собирался трахать кого-то еще, чтобы сделать нас богатыми. Что за схема такая? И какова моя роль? Я не понимала, как ни пыталась...

Настоящая боль пришла позже, когда я осознала, что Вадим не вернется. Мне кусок в горло не лез целую неделю. Я и ногти сгрызла, и сигареты выкурила, готова была простить ему все что угодно, пока воочию не увидела их вместе.

Хотела подкараулить Вадика возле того отеля, чтобы поговорить, а наткнулась на них обоих. Высокая грудастая баба

– кровь с молоком. Порода за километр видна, мимо такой вряд ли пройдешь.

«Ни кожи, ни рожи». Как же...

Я стояла и хлопала глазами, когда они проходили мимо. Я даже почувствовала запах его одеколона. Вадим поддерживал спутницу под руку и взглянул на меня лишь раз: сухо и с угрозой, чтобы даже не смела подходить.

А девушка меня и не заметила. Конечно, какая-то блеклая девчонка с испуганным взглядом – просто размытое пятно в ее красивой жизни, где она гуляет по ресторанам с такими красавчиками, каким тогда выглядел мой Вадим: при костюмчике и в начищенных до блеска туфлях.

Я бежала домой, спотыкаясь, не видя дороги: слезы застилали глаза. Падала, вставала и снова бежала. Вернулась домой и легла умирать. Долго смотрела в белый потолок, кажущийся бесконечным, как и мое одиночество, и понимала, что все было обманом. Ничего Вадим не собирался для меня делать. Ни спасти брата, ни быть моей опорой. Наша любовь исчезла, как только понадобилось жениться на богатой наследнице. Превратилась в пыль.

По-моему, я лежала так целую вечность. Кажется, действительно тогда умерла.

Такие у него были планы. Вот такая грандиозная афера. И это легче, чем ограбить банк. Не нужно вложений, схем и разработок. Да и риска – минимум.

«Ничтожество. Мразь!»

Я закрыла глаза.

Предательство имеет привкус крови. Оно отчаянно горчит, сочится грязной пеной, душит. А у лжи – соленый привкус слез. И они непереносимые спутники любви. Вопрос лишь в том, как скоро ты с ними встретишься.

Но Вадик вернулся. Через два месяца. Я все так же тихо умираю, потому что не помню, чтобы ела, пила или жила. Возможно, существовала, но лишь бледной тенью себя прежней.

Он радостно сообщил, что теперь мы богаты и скоро ему удастся вернуться. Говорил и говорил, а я сидела и не видела ничего, кроме голодного блеска в его бесчувственных глазах. И я позволила. Разрешила сделать то, зачем он пришел. Он имел меня во всех позах, в каких только хотел. А я надрывно стонала, чтобы напомнить ему о том, чего он лишился навсегда и по собственной воле.

Я двигалась ему в унисон, сжимала изо всех сил изнутри, чтобы сделать больше, но получалось только острее и приятнее. Мне хотелось запомнить его таким, чтобы забыть навсегда. Я впитывала его как губка. Наслаждалась каждым движением. Отпускала. Прощалась.

А потом мы подрались. Не могла вытерпеть, когда он, кончив, полез ко мне с поцелуями и признаниями. Не могла терпеть больше этой гадости, грязи, в которой он вымарал нашу любовь, променяв ее на бабки.

Разбила ему нос.

И пока Вадик матерился в ванной, пытаюсь остановить кровотечение, схватила красную сумку из тайника под кроватью, где были спрятаны наши сбережения, и убежала.

Я выкупила брата: договорилась, чтобы он числился в детском доме, но мог оставаться со мной. И мы со Святком сели в поезд и поехали на юг, туда, где ему и положено жить, чтобы справиться с проклятым пиелонефритом – загорать, греться в песке и дышать свежим воздухом.

Так я эволюционировала от воровки до социопатки. Не хотела никого видеть и слышать, избегала людей. Старалась не вспоминать и не думать. Ни о чем. Убила в себе все эмоции, потому что если я бесчувственная, то мне и не больно.

А он женился, да. Загуглить эту новость и прорыдать сутки было моей единственной слабостью за последние дни. Поэтому сегодня утром я не придумала ничего лучше, чем избавиться от волос, которые он так любил пропускать сквозь пальцы перед сном, в которые зарывался носом, чтобы глубоко вдохнуть их аромат и улыбнуться.

Обрилась налысо, чтобы освободиться от него. Хотела окончательно сжечь все мосты. Забыть. Но легче почему-то не стало. Не вышло. Невидимая нить, которой мы были пришиты друг к другу, оказалась крепче любых цепей, не говоря уже о каких-то там волосах.

Спустя полгода

«Забавный маленький паучок. Крошечный совсем. И откуда такой только взялся на седьмом этаже?»

Зеваю, прохожусь пятерней по отросшим волосам. Теперь они снова мягкие, пушистые и приятные на ощупь. А ведь я почти привыкла к себе новой. Да и шампунь хорошо экономился.

Поворачиваюсь к зеркалу и долго вглядываюсь в бледное худое лицо, на котором глаза кажутся огромными серыми дырами. Поправляю «прическу». За зиму шевелюра отросла сантиметров на восемь, не меньше, и у меня даже имеется симпатичная челка.

Беру сигарету, закуриваю, открываю балконную дверь и выхожу.

– Привет, – сухо бросаю в сторону паучка.

А он умудрился за ночь оплести все окно паутинкой. Ювелирная, надо признаться, работа.

Выставляю на подоконник банку, в которой лежит половинка абрикоса – специально вчера купила. Переживала, чем будет питаться этот малец. А так, глядишь, фрукт нач-

нет портиться, появится плодовая мушка. И паучку будет не скучно.

– Это тебе, – изображаю подобие улыбки, но получается плохо – разучилась.

Подхожу к перилам, затягиваюсь и невольно щурюсь, глядя на море. Кажется, будто оно врывается в кусочек суши огромной голубой лапой. А бухта словно обнимает его в ответ, держит обеими руками и никуда не отпускает. Частенько смотрю на природное объятие и умиляюсь. Точнее, что-то в душе собирается проснуться, ожить, но, поерзав слегка, поцарапавшись о твердую броню, снова затихает.

Каждый день, как сквозь пелену сна. А сны я теперь ненавижу. Постоянно одни и те же: руки эти по моему телу ненасытные, глаза бешеные, крики до хрипоты, поцелуи до разодранных в кровь губ. Наша страсть, секс, ссоры, расставание, боль. Гребаная карусель, которую я вынуждена переживать снова и снова по кругу, стоит только закрыть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.